

Три центра древнейшей Руси.

Арабско-мусульманские писатели IX — X вѣка болѣе или менѣе согласно свидѣтельствуютъ, что древнейшая, современная имъ, Русь дѣлилась на три главныхъ племени: одно жило поближе къ Болгарамъ — видимо, Дунайскимъ¹), «царь» его жилъ въ большомъ торговомъ городѣ «Куява» — «Куябахъ» — «Куяне»; другое — «самое далекое» отъ мусульманского Востока, ведущее по преимуществу торговлю съ Камскими Болгарами, называется «Славія» — «Селавіяхъ» — «Селябе»; третье — «Артанія» — «Артаніахъ» — живеть въ «лѣсахъ и камышахъ на окружающемъ морѣ», «находится между Хозаромъ и великимъ Булгаромъ», недалеко отъ «Рума» — Византійской имперіи, ведеть торговлю съ Византіей, Хозарами и Болгарами, столица этого племени — «Арта» — «Арба» — «Уртабъ»²). Въ своеобразныхъ, иѣсколько туманныхъ показаніяхъ мусульманскихъ писателей естественнѣе всего видѣть — и дѣйствительно обычно видять — въ первомъ племени Русь Киевскую, во второмъ

1) Для определенія мѣстожительства этого племени должно иметь значение, между прочимъ, то обстоятельство, что, какъ теперь открылось, Дунайские Болгары въ первой половинѣ IX вѣка имѣли военные и иные связи съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря и нижнимъ теченіемъ Днѣпра,— см. указаніе въ X томѣ «Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ», 1905 г., стр. 213—214.

2) См. «Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ» А. Я. Гаркави, Спб., 1870 г., стр. 193, 197 и сл., 276—277; также въ статьѣ А. Туманского въ X томѣ «Записокъ Восточн. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.», Спб., 1897 г., стр. 136 и др.

ромъ Новгородскихъ Славянъ, — третьимъ же племенемъ, о которомъ больше всего спорятъ, отыскивая его почему-то и среди Финновъ, и въ Скандинавіи ¹⁾, мы находимъ возможнымъ признать опредѣленно Русь юго-восточную, Азовско-Черноморскую, Тмутараканскую.

Увѣренность въ существованіи этой Руси нынѣ раздѣляется уже всѣми почти учеными. Историческое существование юго-восточной, Прикавказской Руси подтверждается хотя бы фактъ несомнѣнной наличности въ этомъ мѣстѣ въ концѣ X—началѣ XI вѣка сильнаго, вполнѣ сложившагося русскаго Тмутараканскаго княжества, князь котораго — Мстиславъ — въ 20 годахъ XI вѣка имѣлъ возможность одолѣть могущественнаго Киевскаго князя Ярослава; оно стоитъ далѣе въ соотвѣтствіи съ показаніемъ арабскихъ писателей о славянскомъ населеніи на Дону въ VIII—X вѣкахъ ²⁾, слѣды котораго видны здѣсь и въ XI—XIII вв. ³⁾, имъ же естественнѣе всего обусловить и извѣстія о частыхъ и важныхъ морскихъ походахъ Руси на Черномъ морѣ въ IX вѣкѣ, дѣлавшихъ Русь господиномъ положенія на этомъ морѣ ⁴⁾.

Вотъ эта то Тмутараканско-Прикавказская Русь скорѣе всего подходитъ къ отмѣченнымъ выше, указываемымъ современными арабами, признакамъ третьяго племени Руси: она именно — и только она — жила при морѣ, невдалекѣ отъ предѣловъ Византійской имперіи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ и связи съ Хозарами, недалеко отъ Болгаръ Дунайскихъ ⁵⁾ и въ сосѣдствѣ съ Болгарами Черными или Прикавказскими.

Въ пользу принятія этого именно мѣстожительства упоминаемаго

1) См. напримѣръ у Гаркави, также у Вестберга въ его статьѣ въ феврал. книгѣ «Ж. М. Н. Пр.» 1908 г., въ переводѣ «Чтеній» В. Томсена въ 1-й книгѣ «Чт. въ Общ. Истор. и Древн.» 1891 г., у Д. Щеглова въ его статьѣ въ «Ж. М. Н. Пр.» 1876 г.—апрѣльской, майской, іюньской кн.—и др.

2) См. напримѣръ въ упом. книгѣ Гаркави, стр. 140—141 и др.

3) См. данныя напримѣръ въ книгѣ М. С. Грушевскаго «Кievская Русь», Спб., 1911 г., стр. 232—235, 289, 294; у П. В. Голубовскаго въ книгѣ «Печенѣги, торки и половцы», Кіевъ, 1883 г.; у Д. И. Багалѣя въ «Исторіи сѣверской земли», Кіевъ, 1882 г.; у А. А. Шахматова—«Южныя поселенія Вятичей», Спб., 1907 г. и др.

4) Сказанія Сурожское и Амастридское, греческія извѣстія о походѣ 860 г., также арабскія — см. у Гаркави.

5) См. примѣчаніе 1-е на 78 стр. о походахъ Болгаръ къ Днѣпру.

арабами IX — X вѣка (Истахри, Ибнъ-Хаукалъ, Балхи, персидскій географъ X вѣка) третьяго племени Руси — «Артанія», «Артаніахъ», «Уртабъ» — говорять еще и слѣдующія соображенія. Византійскіе источники указываютъ, что славянское племя «Анты» («Ἀνται») въ VI—VII вѣкѣ жило приблизительно между нижнимъ Дунаемъ и Днѣпромъ и къ сѣверу отъ Азовскаго моря¹⁾; съ другой стороны, очевидно, имѣя въ виду тѣхъ же «Антовъ», въ началѣ IX вѣка арабскіе писатели упоминаютъ о землѣ «Вантитъ», какъ странѣ одного изъ двухъ главныхъ сѣверныхъ славянскихъ племенъ²⁾). Когда, затѣмъ, въ томъ же IX вѣкѣ у арабскихъ писателей мы встрѣчаемъ название русскаго племени «Артанія» и города «Арта», то явное филологическое сродство этихъ именъ съ названіями «Анты»³⁾ и «Вантитъ», — при географической близости мѣстожительства «Антовъ» VI — VII вѣка съ мѣстонахожденіемъ города «Арты» (поскольку о послѣднемъ, какъ мы видѣли, можно судить по отмѣченнымъ арабами признакамъ этого мѣстонахожденія), — естественно располагаетъ видѣть въ арабскомъ, — вѣроятно, нѣсколько испорченномъ, — названіи «Артанія» имя потомковъ южно-русскихъ или, точнѣе, сѣверо-черноморскихъ славянъ — «Антовъ». Теперь понятно, откуда появились въ сѣверо-западномъ углу Предкавказья Тмутараканскіе Руссы: это потомки «Антовъ», съ VI вѣка неподалеку отсюда жившихъ и сюда оттертыхъ аварско-хозарскимъ и послѣдующими передвиженіями народовъ по степямъ сѣвернаго побережья Чернаго моря; прижатые къ морю, они и стали въ IX вѣкѣ морской грозой на Черномъ и частію Каспійскомъ морѣ, а съ XI вѣка получаютъ въ нашей лѣтописи извѣстность подъ именемъ жителей Тмутараканскаго княжества.

Итакъ, соглашая древнія показанія арабскихъ писателей съ данными нашей лѣтописи и другими, мы приходимъ къ убѣждѣнію, что древнейшая Русь IX—X вв. имѣла три главныхъ племенныхъ центра: Кіевъ, Новгородъ и Тмутаракань.

1) См. у L. Niederle «Slovanské starožitnosti», т. 2, ч. 1, в Praze, 1906 г., стр. 222, 270 и др.

2) Ibid., стр. 267—271.

3) Въ одной Византійской рукописи сочиненія Оеофилакта употреблено вместо «Ἀνται» — «Ἐθνος Ἀρτων», — приведено у L. Niederle въ упом. кн. т. 2, ч. I, стр. 222.

Это дѣленіе Руси на три именно главныхъ племени, подмѣченное современниками въ IX—X вѣкѣ, сохраняется и доселѣ: и нынѣ, какъ известно, русскіе славяне дѣлятся на великороссовъ, малороссовъ и бѣлороссовъ; должна быть, очевидно, генетическая связь между древне-русскими тремя главными племенами и нынѣшними. Такую связь нетрудно установить между Кіевской Русью и малороссами, живущими по существу на томъ же мѣстѣ, гдѣ обитали ихъ давніе предки; великороссы тоже могутъ быть безъ особаго труда поставлены въ связь съ Новгородскими Славянами—собственно сѣверно-русская, окающая ихъ группа. Куда же дѣвались Тмутараканскіе Руссы, отъ которыхъ въ XII—XIII вѣкѣ уже на старомъ мѣстѣ оставались лишь жалкіе остатки? Не могли, конечно, они такъ быстро и незамѣтно быть совсѣмъ истреблены; очевидно, произошло ихъ переселеніе на новыя мѣста. Такое движеніе юго-восточной Руси могло болѣе или менѣе удобно совершиться лишь прямо на сѣверъ—къ рѣкѣ Окѣ, и имъ, конечно, обусловленъ былъ замѣтный по лѣтописи сильный притокъ славянской колонизаціи въ XI—XII вѣкѣ въ княжества Рязанское и Сузdalско-Владимирское, въ это какъ разъ время паденія Тмутаракани усилившіяся и увеличившіяся въ своемъ славянскомъ населеніи.

Это, какъ догадываются теперь ученые, были именно Вятичи¹⁾, двинувшіеся съ приморско-донского юга, подъ напоромъ кочевниковъ—Печенѣговъ и Половцевъ, въ пріокскую область²⁾, но здѣсь не всею массою осѣвшіе. Часть Вятичей двинулась отсюда на западъ—къ верхнему Поднѣпровью и здѣсь въ смѣшениі съ Радимичами, племенемъ польского происхожденія, образовала нынѣшнее бѣлорусское племя. Эту несомнѣнную связь нынѣшнихъ бѣлоруссовъ съ Вятичами, — выходцами изъ придонско-азовской области, — ученые лингвисты указываютъ въ

1) Какъ «Арта», такъ и название «Вятичи» можетъ быть поставлено въ филологическую связь все съ тѣмъ же древнимъ названіемъ славянского племени «Аутас».

2) См. напримѣръ у А. А. Шахматова — «Южныя поселенія Вятичей» изъ «Изв. Академіи Наукъ» 1907 г., № 18, также у В. А. Городцова — «Древнее населеніе Рязанской области» — «Изв. отд. русск. языка и словесн. Имп. Академіи Наукъ» 1908 г., т. 3, кн. 4.

свойствахъ белорусского языка, несмотря на позднейшія польскія вліянія, сохранившаго — вмѣстѣ съ восточно-русами — аканіе и редукцію гласныхъ «а», «о», «е» въ неударяемыхъ слогахъ¹⁾.

Эти характерныя язычно-племенныя особенности создались у юго-восточной Руси, очевидно, въ пору ея полнаго почти обособленія отъ остальной Руси, произшедшаго подъ вліяніемъ напора на нее съ разныхъ сторонъ южныхъ кочевниковъ въ IX—XI вѣкахъ; новое соприкосновеніе юго-восточной Руси съ остальными русскими племенами имѣло мѣсто уже въ XII вѣкѣ и прежде всего обнаружилось по отношенію къ сѣверо-русамъ, — тогда какъ предъ симъ, въ VIII—XI вѣкахъ, если и бывали такія рѣдкія, случайныя связи юго-восточной Руси, то онѣ были у нея съ южно-русами. Неудивительно поэтому, что при подобныхъ историческихъ условіяхъ создались тогда у юго-восточной Руси свои особенности, доселѣ, несмотря на позднейшія вліянія и переселенія, неизгладимыя.

Подробнѣе приходится остановиться на другомъ вопросѣ: чѣмъ обусловлено и когда произошло обособленіе Киевской Руси отъ Новгородскихъ Славянъ? Эта обособленность, исторически несомнѣнная и доселѣ не изглаженная, будетъ совершенно непонятна, если вѣрить въ исконное, непрерывающееся въ древней Руси, существованіе знаменитаго пути «изъ Варягъ въ Греки» и особенно если въ связи съ этимъ допустить славяно-русскую колонизацію Новгородской области изъ Киева и отнести ее къ IX вѣку²⁾.

Нынѣ начинаетъ падать уже давнее предположеніе о существованіи и о свободномъ использованіи балтійско-днѣпровскаго воднаго торговаго пути въ IX — началѣ X вѣка; въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ львовскій профессоръ Adam Szelagowski въ своей недавней работѣ — «Najstarsze drogi z Polski na Wschód w okresie bizantyńsko-arabskim» (Krakow, 1909 г.).

Сомнѣнія въ существованіи и использованіи этого пути въ данную эпоху вызываются съ несомнѣнностью устанавливаемъ — смутнымъ и

1) См. статью А. А. Шахматова — «Древнія ляшскія поселенія въ Россіи» — журн. «Славянство» 1911 г., №№ 4—6.

2) См. предположеніе, высказанное А. А. Шахматовымъ въ упомян. статьѣ въ журналѣ «Славянство» 1911 г., №№ 4—6, стр. 26—27.

сбивчивымъ представленіемъ Скандинавовъ въ IX—XI вѣкахъ объ южной Руси, также — позднимъ и слабымъ, судя по даннымъ археологическихъ раскопокъ, проникновеніемъ Византійского культурнаго вліянія въ съверную Русь и балтійскій районъ и во всякомъ случаѣ отсутствіемъ его здѣсь въ VII—X вв.—и т. п.¹).

Съ другой стороны лѣтописныя преданія о князѣ Олегѣ и его утвержденіи въ Кіевѣ, объ Аскольдѣ и Дирѣ, о происхожденіи князя Игоря, вообще объ утвержденіи въ Кіевѣ въ IX—X вѣкѣ Нормановъ и норманской династіи и т. п., какъ все болѣе и болѣе нынѣ принимается²), нуждаются въ серьезномъ отдѣленіи зерна исторической истины отъ наслоенія народныхъ преданій и вліянія монархическо-византійской тенденціи лѣтописца. Показанія Новгородской 1-ї лѣтописи и другія данныя склоняютъ насъ предполагать, что Игорь былъ мѣстный Кіевскій князь, а Олегъ — съверно-норманскій викингъ, случайно пробравшійся на югъ и имѣвшій къ кіевскимъ дѣламъ лишь случайное, кратковременное отношеніе³).

Позволимъ себѣ тутъ остановить вниманіе на слѣдующемъ обстоятельствѣ, характерномъ для разрѣшенія вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ Кіева и Новгорода въ IX—X вѣкѣ. Усиленное, явно тенденціозное, молчаніе нашей «Повѣсти временныхъ лѣтъ» о новгородскихъ событияхъ и дѣлахъ за время почти въ сто лѣтъ — съ 882 по 970 гг. — само по себѣ много

1) См. наприм. данныя въ ст. А. А. Спицына въ «Ж. М. Н. Пр.» 1899 г., август. кн. — «Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археолог. даннымъ», кн. К. Ф. Тіандера — «Поѣздки Скандинавовъ въ Бѣлое море», Спб., 1906 г., въ статьѣ его «Городъ Бирка» въ «Ж. М. Н. Пр.» 1910 г., іюньская кн., въ 5 вып. «Древностей Поднѣпровья» Ханенко, Кіевъ, 1908 г. въ кн. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго «Исторія русскаго народнаго хозяйства», т. 1, Кіевъ, 1911 г. и др.

2) См. у Н. И. Костомарова — «Преданія первоначальной русской лѣтописи» — «Вѣстн. Европы» 1873 г., янв., февр., мартъ, у М. С. Грушевскаго — въ 1 кн. «Історія України — Руси», Львовъ, 1904 г., у А. А. Шахматова — «Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ», Спб., 1908 г., у С. А. Корфа въ статьѣ «Замѣтка объ отношеніяхъ древне-русскаго лѣтописца къ монарх. принципу» — «Ж. М. Н. Пр.» 1909 г., іюльская кн. и др.

3) Нѣсколько подробнѣе объ этомъ см. въ нашей статьѣ «Христіанство Руси до Владимира Св.» въ журн. «Вѣра и Разумъ» 1912 г. №№ 9 и 10 и отдѣл. оттиски, а особенно въ печатающейся нынѣ нашей книгѣ «Начало христіанства Руси».

говорить, но еще красноречивѣе будетъ, если мы обратимъ вниманіе, что около 970 года лѣтопись наша вдругъ, послѣ продолжительнаго молчанія о Новгородѣ, начинаетъ о немъ говорить и при томъ по поводу, странному по сравненію съ предыдущимъ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о прежней связи Кіева съ Новгородомъ со временемъ Олега — съ конца IX вѣка,— именно она разсказываетъ тутъ объ установленіи въ это только время — въ концѣ княженія Святослава — политической связи Новгорода съ Кіевомъ, связи къ тому же такой, которая явно носить характеръ автономныхъ отношеній къ Кіеву Новгорода. Этотъ лѣтописный разсказъ о призваніи Новгородомъ себѣ князя изъ Кіева въ лицѣ одного изъ сыновей Святослава или, иначе, объ установленіи политической связи Кіева съ Новгородомъ именно въ концѣ X вѣка, не миясь совершенно съ преданіемъ о событияхъ конца IX вѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ явно гармонируетъ со всѣми послѣдующими данными о характерѣ дальнѣйшей политической жизни Новгорода¹⁾.

Если такимъ образомъ возможно установить отсутствіе болѣе или менѣе близкихъ сношеній и связей Кіева съ Новгородомъ въ IX—X вв., то является вопросъ: что же ихъ разъединяло въ это время? Отвѣтъ мы можемъ найти въ показаніяхъ академика А. А. Шахматова, который, связывая свои лингвистическія изысканія съ лѣтописными данными, утверждаетъ, что въ VII—VIII вѣкахъ польскія племена совершили движение на востокъ и колонизовали верхнее Поднѣпровье и земли къ востоку отъ него²⁾. Вотъ это то движение польскихъ племенъ на востокъ и стало, очевидно, крѣпкой стѣной между Новгородскими Славянами, отодвинутыми къ сѣверу, и южно-русскими.

Только уже въ концѣ X вѣка — при Святославѣ и Владиміре — заявляется болѣе или менѣе прочная политическая связь Кіева съ Новгородомъ; тогда то является возможность открыть и использовать балтійско-днѣпровскій водный путь, и въ связи съ этимъ, конечно, стоить покореніе Кіевомъ польского племени Радимичей, жившихъ въ верхнемъ

1) Ср. показаніе Константина Багрянороднаго въ его сочиненіи «Пеৰ েঢুৰ্ব», перев. Г. Ласкина въ «Чт. Общ. Ист. и Др.» 1899 г., кн. I, стр. 70.

2) См. упомян. статью Шахматова въ журналѣ «Славянство», стр. 24—26 и другія.

Поднѣпровъ ѿ и мѣшавшихъ объединенію Кієва и Новгорода,—покореніе, по лѣтописи, произшедшее уже въ 984 году¹⁾,—а также около того же времени происходитъ столкновеніе Кіева и съ Полоцкимъ княжествомъ, лежавшимъ близъ балтійско-днѣпровскаго пути. Это покореніе Радимичей и Полочанъ въ концѣ X вѣка — тоже факты, подтверждающіе установленіе связи Кіева съ Новгородомъ и использование варяжско-днѣпровскаго воднаго пути лишь къ концу X вѣка.

Всѣ эти соображенія подтверждаются и археологическими данными: возьмемъ, напримѣръ, знаменитый Гнѣздовскій могильникъ, лежащий въ срединѣ варяжско-днѣпровскаго пути и обнаружишающій здѣсь въ IX—X вѣкахъ торговыя связи съ далекимъ мусульманскимъ Востокомъ и Скандинавіей, но почему-то отнюдь не съ Византіей, несмотря на то, что послѣдняя лежала сравнительно близко, обладала высокой культурой и имѣла большое культурное вліяніе на совсѣмъ недалеко отсюда находящійся Кіевъ²⁾. Очевидно, въ ту пору сѣверная Русь не соприкасалась еще съ южной, и культурная жизнь одной шла отдѣльно и независимо отъ другой,— очевидно, и торгового пути «изъ Варягъ въ Греки» еще не было во всемъ его объемѣ. Такимъ образомъ обособленіе сѣверной Руси отъ Кіевской ставило ихъ и подъ разныя культурныя вліянія: Новгородъ тогда былъ связанъ съ Скандинавіей и Камскими Болгарами и чрезъ ихъ посредство съ мусульманскимъ Востокомъ; съ послѣднимъ, правда, былъ знакомъ и Кіевъ, но онъ въ большей степени испытывалъ тогда, неизвѣстное въ Новгородѣ, сильное вліяніе Византіи и ея союзницы Хозаріи и вовсе ничѣмъ не связанъ былъ съ Скандинавіей, бывшей къ тому же тогда и менѣе культурной по сравненію съ Кіевомъ³⁾.

Такъ въ эпоху VIII—X вѣковъ были разъединены сѣверо-русы и южно-русы, подобно тому какъ послѣдніе въ IX—XI вѣкахъ жили болѣе или менѣе изолированно отъ юго-восточной Руси.

1) Показаніе обѣ этомъ лѣтописи, противорѣчащее фантастическимъ рассказамъ о покореніи этого и другихъ племенъ полулегендарнымъ Олегомъ, подтверждаетъ и Іаковъ Мнихъ въ «Памяти и похвалѣ князю Владиміру».

2) См. у В. И. Сизова въ его работѣ «Курганы Смоленской губ. Вып. I. Гнѣздовскій могильникъ», Спб., 1902 г.

3) См. данные въ упомян. 5 вып. «Древностей Поднѣпровья» Ханенко, у Н. П. Кондакова «Русскіе клады», Спб., 1896 г., стр. 7, 30—34 и др.

Тогда то, въ силу отмѣченныхъ обстоятельствъ, и произошло, по всей видимости, раздѣленіе Руси на три главныхъ племени, раздѣленіе и обособленіе которыхъ было отмѣчено еще арабскими писателями IX—X вѣковъ и доселѣ не изгладилось, хотя, конечно, на протяженіи послѣдующихъ десяти вѣковъ обусловливалось и другими историческими факторами.

Владимиръ Пархоменко.

5 декабря 1912 г.

Тифлисъ.